

Список литературы

1. *Straw W.* Systems of Articulation, Logics of Change: Communities and Scenes // *Popular Music. Cultural studies.* — 1991. — 5 (3).
2. *Straw W.* Scenes and sensibilities, Public. — 2001. — vol. 22/23.
3. *Thornton S.* Club Cultures: Music, Media, and Subcultural Capital, Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1996.
4. *Miles S.* Youth lifestyles in a changing world. — Buckingham, UK: Open University Press, 2000.
5. *Chaney D.* Lifestyles. — London: Routledge, 1996.
6. *Maffesoli M.* The Time of the Tribes: The Decline of Individualism // *Mass Society*, trans. D. Smith. — London: Sage, 1996.
7. *Bennett A.* Subcultures or Neo-Tribes?: Rethinking the Relationship Between Youth, Style and Musical Taste, *Sociology*, 1999. — 33(3).
8. *Robards B., Bennett A., MyTribe:* Postsubcultural manifestations of belonging on social network sites. Griffith University, Issue of *Sociology*, 2011, 45(2).
9. *Singh. A.* Live, Streaming Subculture, Springerin, 2000.
10. *Muggleton D., Weinzierl R.* What is "The Post-subcultural Studies Anyway"? // *The Post-Subcultures Reader* / Ed. D. Muggleton, R. Weinzierl. — Oxford: Berg, 2003.
11. *Readhed S.* The Clubcultures Reader: Readings in Popular Cultural Studies. — Oxford: Blackwell, 1997.
12. *Омельченко Е.Л.* Молодежный вопрос: поворот к исследованию новых молодежных солидарностей (вступительное слово) // *Социологические исследования.* — 2013. — № 10.
13. *Омельченко Е.Л.* Субкультуры, поколения, солидарности? К вопросу концептуализации новых форм коммуникации в молодежной среде // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. / отв. ред.: Е.Г. Ясин. — М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2012. — Кн. 3.
14. *Williams J.P.* Subcultural Theory: Traditions and Concepts // Polity Press. UK. 2011.
15. *Williams J.P.* Youth-Subcultural Studies: Sociological Traditions and Core Concepts // *Sociology Compass.* — 2007.—Vol. 1, № 2. — P. 572—593.
16. *Cohen P.* Subcultural Conflict and Working Class Community. Working Papers in Cultural Studies: 2 University Birmingham, 1972.
17. *Алиева Д.Я.* Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // *Социологический журнал.* — 1995. — № 1.
18. *Maffesoli M.* The Return of the Tragic in Postmodern Societies // *New Literary History.* — 2004. — Vol. 35, 1.
19. *Shildrick T.A., MacDonald R.* In Defence of Subculture: Young People, Leisure and Social Divisions // *Journal of Youth Studies.* — 2006. — № 9 (2).
20. *Hodkinson P.* Goth: Identity, Style and Subculture. — Oxford, Berg, 2002.
21. *Hodkinson P.* Net. Goth: Internet Communication and (Sub) Cultural Boundaries//*The Post-Subcultures Reader*, Muggleton D. and Weinzeirl R. (eds). — Oxford: Berg, 2003.
22. *Hodkinson, P.* Youth Cultures: A Critical Outline of Key Debates// Hodkinson, P. and Deicke, W. (eds.), *Youth Cultures: Scenes, Subcultures and Tribes.* — New York: Routledge, 2007.
23. *Hesmondhalgh D.* Subcultures, Scenes or Tribes? None of the Above // *Journal of Youth Studies.* — 2005. — Vol. 8, № 1.

УДК 130.2

ББК 71.0.—04.05

Л.М. ГАВРИЛИНА

ТОПОФИЛИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Анализируются культурные изменения и их отражение в социально-гуманитарном знании. Рассматривается топофилия как явление культуры и как исследовательская стратегия. Культурный поворот в географии соотносится с пространственным поворотом в социально-гуманитарном знании как части более общих парадигмальных изменений, происходящих в современной культуре.

Ключевые слова: культурный поворот, пространственный поворот, пространство, топофилия, место, локус, локальный текст, образ места, роман места.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин

Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Ведает его известный древним genius

loci, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной силой.

П. Вайль

Во множестве своих сот пространство содержит сжатое время. Для того оно и предназначено.

Г. Башляр

Известная русская пословица, утверждающая, что «не место красит человека, а человек место», абсолютно корректно выражает глубинную народную мудрость и знание жизни: о человеке невозможно судить лишь по его положению в социальной иерархии или месту проживания. Однако люди с гордостью произносят: «я — москвич», «я — сибиряк», «я — калининградец», — и кажется, что аура *места* отбрасывает на них свой отблеск, добавляя им значимости, силы и уверенности. Значит ли это, что *место* все-таки «красит человека»? Приходится согласиться, по крайней мере, с тем, что место, где живет человек, где он рос, набирался опыта, формировался как личность, очень важно для него и что иногда оно определяет судьбу.

Жизнь человека, так или иначе, связана с *местом*. Все живут в каких-то *местах*, мечтают о неких *местах*, благоустраивают важные для себя *места*, отдельных *мест* избегают, боятся, к другим — стремятся. Людей привлекают различные *места*: исторические и экзотические, родные и заграничные и т. д. Экзотические — дают возможность пережить сильные эмоции (удивления, восторга), исторические — позволяют ощутить причастность к значимым надындивидуальным высшим смыслом и ценностям, словом, подняться из сферы быта в сферу Бытия. Родные *места* — через знакомые ландшафты, архитектурные силуэты, звуки, запахи («и дым отечества нам сладок и приятен») — рожают ощущение укорененности, принадлежности к некоей общности, традиции, становятся маркерами самоидентификации.

Привязанность к родным местам («любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу»), как и интерес к местам чужим (широко представленном, начиная с Геродота, в жанре странствий, паломничеств, путешествий), издавна присуща человечеству. Но только в XX веке заговорили о феномене топофилии (и соответственно об оборотной ее стороне — топофобии). Термин был впервые использован в 1958 году французским философом и искусствоведам Г. Башляром [1], получил широкую известность в 70-е годы XX века после публикаций американского ученого И-Фу Туана (Yi-Fu Tuan), который использовал его для характеристики специфического эмоционального и социокультурно обусловленного отношения человека к *месту* [2].

Сегодня топофилию, рассматриваемую в качестве внимательного, пристрастного, проникновенного отношения к месту как условию и форме репрезентации смыслов и ценностей культуры, к своего рода тексту, представители гуманитарной географии (антропогеографии, имажинальной, культурной географии) считают ее центральной концепцией, смысловым ядром и исследовательской стратегией данного направления [3]. Представляется, что культурный поворот в современной географии, приведший к пониманию того, что место не «дается», а очеловечивается и конструируется [4, с. 68] в ходе социокультурной практики, произошел в контексте доминировавших в социогуманитарном знании второй половины XX века идей семиотики культуры, структурализма, социального конструктивизма. География сделала важный шаг на-

встречу гуманитаристике, обратившись к проблеме *культурного* освоения пространства: на стыке гуманитарного и естественнонаучного знания стали формироваться направления культурной, гуманистической географии [5; 6].

Культурный поворот в географии совпал с так называемым пространственным поворотом в социально-гуманитарном знании. Это были эпистемологические повороты, которые изменили ракурсы рассмотрения реальности в разных сферах знания. Для понимания механизма развертывания подобного рода сдвигов в эпистемологии представляется важным соотнести их с онтологией культуры, отследить историческую динамику отношения к *месту*, *локусу*, *пространству* в реальной социокультурной практике.

В мифологии древних можно обнаружить множество значимых для человека *сакральных мест*, как созданных воображением (ад, рай, гора Меру в индийской мифологии, страна Бумба в калмыцком эпосе и др.), так и реально существующих, связанных с иерофаниями: священные рощи, источники, горы и прочее. Эти места почитались, охранялись, там возводились святилища. Наличие такого рода мест было важным с точки зрения пространственного структурирования мира. Значимым оказывался именно сакральный статус места, которое ценилось за его причастность, связь с некоей иной реальностью. Собственно реальный природный ландшафт — не как часть Космоса или Божественного универсума, а как место обитания человека, — долгое время был за пределами внимания.

Динамику сложных отношений человека с окружающим миром — Домом и не-Домом — на материале художественного творчества удалось блестяще проследить российскому искусствоведам И.Е. Даниловой [7], которая, показав специфику этих отношений в разные исторические эпохи, убедительно продемонстрировала нарождающееся «чувство Дома» — то есть представлений об обитаемом, обжитом, очеловеченном пространстве — в интерьерах и пейзажах малых голландцев XVII века, и затем его расцвет в искусстве XIX века, когда на смену образам «прекрасного далека» и метафизическим исканиям романтиков приходит интерес к родным местам, находящимся «сейчас и здесь». Местам, внешне, возможно, непривлекательным, но насыщенным важными земными, человеческими смыслами и вызывающим множество эмоций. Именно «в искусстве малых голландцев складывается *просто пейзаж*, в котором мир природы, отказавшись от безмерности макро-бытия, обретает свое собственное, соразмерное человеческому, микро-бытие» [7, с. 34], искусство начинает запечатлевать «не бытийственную знаковую, но бытовую обжитость» окружающего мира. Это и можно назвать зарождением *топофилии* как специфического эмоционального и социокультурно обусловленного отношения человека к *месту* (*локусу*, *территории*, *ландшафту*).

Обращение к месту, к его ценностно-смысловой нагрузке в культуре можно наблюдать как в литературном творчестве, так и в изобразительном искусстве XIX века: в текстах А. Пушкина, А. Толстого, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Ч. Диккенса, в живописи Д. Констебля, У. Тернера, французских художников-барбизонцев, русских пейзажи-

стов А. Саврасова, И. Шишкина, Ф. Васильева, И. Левитана и др. С этого времени образ места вписывается в культуру, становясь неотъемлемой частью культурного образа мира, маркером культурной и национальной идентичности.

И.Е. Данилова использовала преимущественно материал изобразительного искусства, Д.М. Соболев пришел к сходным выводам — о зарождении в XIX веке *топофилической прозы* — на основе анализа литературных текстов. Ученый выдвинул гипотезу о рождении в современной литературе нового жанра художественной прозы — «романа места», который «фокусируется на экзистенциальном пространстве в его географической и исторической конкретности и который предполагает, что репрезентация пространства является одной из наиболее значимых литературных целей и тем» [8]. В отличие от жанра путешествий, который был известен с древности, истоки «романа места», по мнению исследователя, восходят к XIX веку. Мощное «чувство места», характерное для романов Ч. Диккенса, В. Гюго, Ф. Достоевского, Т. Манна, позволило сделать абсолютно узнаваемыми и запоминающимися картины Лондона, Парижа, Петербурга, Венеции. Город стал героем романа, хотя описание места еще не превратилось в литературную самоцель. «Петербург» А. Белого, «Дублинцы» Джойса, «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя — вехи формирования нового жанра. Переломной точкой в становлении топофилической прозы, как считает Д.М. Соболев, стали «Берлинские дневники» В. Беньямина, в которых пространство города приобрело самоценность. «Такая проза склонна всматриваться в пространство, как интегральную часть существования человека в культуре и обществе. Для нее, как и человеческая идентичность или “природа”, пространство и пространственность оказываются сконструированными; в качестве места “человеческого бытия”, топос пространства, в свою очередь, оказывается топосом человеческого существования в культуре» [8, с. 155].

Добавим, что именно литература XIX века дала первые примеры феномена, получившего позже название *локальных* или *городских* текстов культуры (текстов, сложившихся на базе осмысления / переживания специфики того или иного места, локуса, города). Приобретший ныне широкую известность петербургский текст (первый из локальных свертков в русской культуре) в своей основе сложился именно в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского. На рубеже XIX—XX веков петербургский текст был развернут в поэзии русских символистов, в творчестве мирискусников, в XX веке приобрел отточенность и завершенность в творчестве А. Ахматовой, О. Мандельштама, в исследованиях Н.П. Анциферова [9].

Представляется, что в XX веке топофилия, как явление культуры, укрепляется, «прорастает» в ней, проявляясь в различных формах. Пристрастное отношение к *месту* как социокультурному феномену отражается, в том числе, в актуализации региональных исследований, в активном формировании локальных или городских текстов, в интенсификации усилий местных сообществ по брендингу территорий, в развитии туристической индустрии, превратившей путешествие в феномен массовой культуры.

Чтобы подчеркнуть всю глубину произошедших перемен в отношении человека к пространству, месту, ландшафту, уместно вспомнить известное путешествие Петрарки по Европе и его восхождение с братом в 1336 году на гору Мон-Ванту в окрестностях Авиньона, описанное им в письмах [10]. Поднявшись на вершину горы и открыв «Исповедь» Августина, поэт прочитал слова, обращенные, казалось, лично к нему: «И отправляются люди дивиться и высоте гор, и громадности морских валов, и широте речных просторов, и необъятности океана, и круговращению созвездий — и оставляют сами себя». Эти слова прозвучали для Петрарки как отповедь, как окрик из глубин христианского Средневековья, который прекрасно вписывался в знаменитую формулу Августина: «Не блуждай вне, но войди внутрь ...». Петрарка был потрясен до глубины души и оставшийся путь провел в полном молчании. Бродить по свету, любясь его красотами, средневековому христианину сознанию представлялось делом не только пустым, но и греховным. Обратиться внутрь себя, внутрь храма, гораздо важнее, чем скользить по поверхности, предаваясь внешним впечатлениям — убежден средневековый мыслитель. Сегодня миллионы людей едут за тридевять земель, чтобы посмотреть на то или иное место и запечатлеть: я был здесь. Виды наиболее известных ландшафтов, пейзажей, памятников заселили домашние альбомы и странички социальных сетей. Меняются лишь лица людей на фоне знаковых объектов.

Образы места вызывают живой интерес, стремление уловить их культурную, историческую и географическую особость и запечатлеть ее в фото- и видеокадрах, в живописи, в выставочных проектах, в литературе путешествий. Ярко выраженное внимание к месту, желание понять его, прочувствовать его дух превращают эти произведения в настоящие «романы места», «фильмы места» и т. п. «Где» происходит — становится зачастую важнее, чем «что» происходит. Но в это «где» пристрастный наблюдатель внедряется всем своим существом, стараясь почувствовать, пережить, понять специфику места, его судьбу, историю, предназначение. В каком-то смысле отношение к месту начинает напоминать отношение к человеческой личности с ее неповторимыми характером, темпераментом, биографией, судьбой. Среди наиболее известных и успешных топофилических проектов можно вспомнить фильмы Вуди Аллена, главным героем которых поочередно становились Париж, Барселона, Рим. Яркие, эмоционально и лично насыщенные, образы мест, воплощающие их культурную, историческую и географическую неповторимость, представлены в путевой прозе П. Вайля [11], А. Гениса [12; 13] и т. д.

При этом в отношении к «месту», проявляется характерная для эпохи постсовременности разнонаправленность процессов, зафиксировать которую удается через использование оксюморона (известная формула глокализации по Р. Робертсону — это «универсализация партикуляризации и партикуляризация универсализации»). Это внешне разнонаправленные, но внутренне (содержательно) тесно взаимосвязанные процессы. В культуре постмодерна в ситуации развивающейся глоба-

лизации, с одной стороны, нарастают тенденции децентрализации и *детерриториализации*, с другой — становится более заметной привязка к «месту», утверждается *топофилия*. В ситуации быстро идущих изменений, лавинообразного нарастания инновативных элементов привязка к *месту*, идентификация с ним представляется спасительной. *Места* становятся значимыми, их посещают, фотографируют, рассматривают, сохраняют на память. Они помогают создать некоторые островки стабильности, узелки «на память», становятся опорами, маркерами локальных и региональных идентичностей, участвуют в их конструировании.

Таким образом, детерриториализация всего лишь трансформирует (но не уничтожает!) топофилию, привязанность к локальному. Так же, как глобализация с ее универсалистскими тенденциями не нивелирует, не отменяет групповую форму идентичности (локальную, региональную, этническую и т. д.), но, напротив, стимулирует ее поиск. Таким образом, разнонаправленность тенденций в данном случае — скорее внешняя, а не сущностная.

В условиях динамично развивающихся глобализационных процессов, нарастающих тенденций универсализации локальные/региональные сообщества озаботились осмыслением, репрезентацией собственных *мест*. Это оказалось важным и с точки зрения психологического комфорта жителя, и с точки зрения коммерческого продвижения образа города, региона, развития брендинга территорий. В этой связи в российском социально-гуманитарном знании особую актуальность приобрели проблемы культурной регионалистики (*local studies*), сложилось особое исследовательское направление, в рамках которого анализируются политические, экономические, социальные, культурные аспекты жизни регионов. Регионы рассматриваются как культурные *локусы*, *места*, где сложно и противоречиво пересекаются универсалистские и партикуляристские тенденции, а влияние глобальных трендов можно проследить на конкретном материале. В этом смысле своеобразный бум исследования локальных текстов культуры и локальных идентичностей, охвативший российскую гуманитаристику в последние двадцать лет, — не случайность, а вполне закономерное явление в контексте происходящих изменений. Сложился устойчивый дискурс вокруг феномена петербургского текста, активно обсуждаются пермский, крымский, московский, сибирский, алтайский, северный, поморский, калининградский тексты. Локальные тексты рассматриваются как форма осмысления / переживания социокультурных особенностей того или иного локуса и механизм репрезентации / конструирования идентичности региональных сообществ. В условиях «текущей современности» локальные сообщества таким образом пытаются утвердить «локальный порядок на фоне глобального хаоса» [14], стремясь сделать более значимым свое пространство, фиксируя или конструируя особенности своего локуса.

Можно утверждать, что топофилия с XIX века стала неотъемлемой частью социокультурных реалий, и искусство, как наиболее чуткий механизм воспроизводства культурных интенций, смыслов и ценностей, уловило и репрезенти-

ровало их изменения раньше, чем философская рефлексия и научный анализ. В то время когда философская мысль была сориентирована на время, развитие, динамику, прогресс, воспринимая пространство как пассивный контекст, именно в художественном творчестве сформировалось пространственно ориентированное мышление.

В философской рефлексии по поводу взаимоотношений *места* (среды обитания, ее природно-климатических особенностей, ландшафта) и культуры можно выделить два подхода. Сторонники первого занимались рассмотрением влияния *места* (прежде всего природно-климатических условий проживания народа) на развитие культуры. Этот подход заявил о себе в XVIII веке, активно развернулся в XIX веке, получив многообразную трактовку в различных исследовательских направлениях, в том числе в контексте географического детерминизма (Ш. Монтескье, Г. Бокль, Ф. Ратцель и др.), трехфакторного анализа И. Тэна (раса, среда, момент) и т. д. В XX веке большое значение *месту* как совокупности географических и исторических факторов, оказывающих влияние на рождение и развитие культурных особенностей, придавали О. Шпенглер, А. Тойнби (вызов-и-ответ), русские евразийцы (концепт «месторазвития»), сторонники энвайронментализма.

Второй подход, ставший детищем культурфилософских исканий XX века, вырос на традициях семиотического исследования культуры, актуализации символической природы культуры, конструктивистского подхода в социально-гуманитарных науках. Сторонники этого подхода обратились к анализу *места* как культурного феномена, включенного в картину мира культуры, несущего отпечаток ее ценностно-смысловых характеристик. Здесь речь идет о более сложной зависимости: не только культуры от *места* ее развития, что представляется вполне очевидным, но и *места* от культуры. Речь идет не только о проблеме природопользования, но и о культурном освоении пространства, создании культурных ландшафтов, культурной среды.

Понимание того, что *место* это не только некая точка в пространстве, территория, имеющая географическую привязку, среда обитания, но социокультурный и исторический феномен, насыщенный смыслами и ценностями, вызвало к жизни множество новых исследовательских направлений. В социально-гуманитарном знании стало актуальным обращение к местному, локальному, к территории, пространству. Эта смена исследовательских ракурсов и приоритетов получила определение *пространственного поворота* в современном гуманитарном знании. По мнению исследователей, «термин пространственный поворот (*spatial turn*) утвердился с недавнего времени как обозначение поворота от основополагающей категории времени в истории науки к пространству, к географии» [15, с. 27]. В географии, как уже было отмечено выше, напротив, проснулся интерес к «человеческому», символическому, образному, культурно обусловленному измерению места; произошел *культурный поворот*, который вызвал к жизни новые области исследования: культурную географию, антропогеографию, мифогеографию, гуманистическую географию, воображаемую географию и т. д. [4—6; 16; 17].

Пространство и время являются фундаментальными характеристиками бытия, их смысловое единство в рамках художественного произведения М. Бахтин определил как хронотоп. Этот концепт получил широкое распространение в современных литературоведческих, эстетических и культурологических исследованиях, в которых «пространство и время мыслятся как взаимосвязанные координаты единого четырехмерного континуума, содержательно зависящие от описываемой ими реальности. По сути такая трактовка продолжает начатую еще в античности традицию реляционного (в противоположность субстанциальному) понимания пространства и времени (Аристотель, Блаженный Августин, Лейбниц и др.)» [18, с. 337].

М. Бахтин исследовал хронотоп художественного произведения, сегодня это понятие используется и при анализе культурных картин мира.

Утвердилось представление о том, что крупные исторические эпохи и цивилизации базируются на собственных хронотопических конструкциях. Культура проявляет в хронотопе свою аксиоматику и создает неповторимую комбинацию взаимодействия этих двух констант (пространства и времени). Принято говорить о специфике античного хронотопа, средневекового христианского и т. д. М. Бахтин, который сформулировал это понятие на материале средневековой европейской культуры, подчеркивал, что ведущим началом в хронотопе является время. Действительно, можно говорить о том, что христианская культура, как средневековая, так и нового времени, в большей степени сориентирована на время, чем на пространство. Вероятно, это восходит к библейским идеям линейного историзма, которые осмыслил и концептуализировал Блаженный Августин. Пространство в европейской мысли долгое время воспринималось как некое пассивное вместилище для развития заданных свыше процессов.

В хронотопе современной культуры, похоже, действительно наметилось большее, чем прежде внимание к пространству, что и привело в результате к *пространственному повороту*, у истоков которого обычно называют трех европейских философов: Г. Башляра, М. Фуко и А. Лефевра. О значимости исследования пространства Г. Башляр написал еще в 1958 году, определив это направление как «топоанализ» — «систематическое психологическое исследование ландшафта нашей внутренней жизни. <...> Иногда мы думаем, будто познаем себя во времени, тогда как мы знаем лишь последовательность фиксаций в некоторых пространствах стабильности нашего существа, которое противится текучести бытия и, даже отправляясь в прошлое на поиски утраченного времени, хочет «остановить» его бег. Во множестве своих сот Сопространство содержит сжатое время. Для того оно и предназначено» [1, с. 29]. Башляр не только привлек внимание к новому предмету и ракурсу исследования, он дал им определения. Именно он ввел в оборот, получивший большую популярность сегодня, термин «топофилия», трактуя его как любовь к образам «счастливого пространства». «Пространство, которым овладело воображение, — пишет Башляр, — не может оставаться индифферентным, измеряемым и осмысливаемым в категориях геометрии. Речь идет о пространстве переживаемом.

Переживается оно не в силу его объективных качеств, но со всей пристрастностью, на которую способно воображение» [1, с. 23]. Новым у Башляра было то, что речь шла именно о культурном переживании пространства, в соответствии с присущими культуре смыслами и ценностями.

Изменение отношения к пространству прочувствовал и описал М. Фуко в 1967 году в работе «Другие пространства», которая была опубликована гораздо позже, в 1984 году, когда, вероятно, эта трансформация стала более заметной. «Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX век, как известно, была история: темы развития и остановки, темы кризиса и цикла, темы накопления прошлого <...> Сегодняшнюю же эпоху можно назвать, скорее, эпохой пространства. Мы живем в эпоху одновременного, в эпоху рядоположения, в эпоху близкого и далекого, переправы с одного берега на другой, дисперсии <...> можно сказать, что многие из идеологических конфликтов, которые одушевляют сегодняшнюю полемику, развертываются между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства» [19, с. 191]. В этом тексте Фуко набросал программу исследования пространства в гуманитарном знании, обратился к истории пространств в европейской культуре и сформулировал концепт гетеротопии как особого рода пространства, как «своего рода фактически реализованных утопий». Современное понимание и переживание пространства, по мнению Фуко, трансформируется от понимания пространства как протяженности, развертывания, к пониманию пространства как локализации, места, местоположения.

Анри Лефевр, французский социолог и философ неомарксистской направленности в 1974 году издал работу «Производство пространства» [20; 21], в которой разграничил физическое, ментальное и социальное пространство, пространство воспринимаемое, понимаемое и обживаемое. Он сделал важный шаг к концептуализации социального пространства, которое, по его мнению, не сводится ни к природе — климату и географическому положению, ни к предшествующей истории, ни к какой-либо совокупности объектов. Социальное пространство создается действиями социальных групп и трансформируется в процессе общественного труда, оно включает в себя реальное и воображаемое, не только вещи, но и отношения, знания, идеологию, репрезентации. То есть это пространство содержательно наполненное и эмоционально окрашенное. Идеи Лефевра получили широкую известность лишь после перевода его работы на английский язык в 1991 году.

Таким образом, будучи опубликованными в 1950—1970 годах, эти работы обрели актуальность и значимость в начале 1990-х, подтолкнув пространственный поворот в социально-гуманитарном знании. Формируется и утверждается пространственно ориентированное мышление, для которого пространство перестает быть пассивным контекстом, фоном, оно — продукт социального творчества и условие для развития.

В последнее время интерес к теме пространства в гуманитарных науках проявился со всей очевидностью, многие авторы призывают потеснить время, чтобы дать

место пространству. К проблеме пространства вслед за философами обратились литературоведы, искусствоведы и другие представители гуманитарного знания. Так, Ж. Делез и Ф. Гваттари пишут о «геофилософии» и топологии мысли, основанной на силе воображения [22], В. Подорога анализирует «ландшафтные миры философии» [23]. Успешно развиваются такие направления как исследование культурных ландшафтов [16 — 24], социология пространства [25], семиотика пространства [26], география искусства [27]. По мнению одного из исследователей, «речь идет не больше не меньше как о всемирно-историческом реванше пространства над временем и, как следствие, географии над историей и географа над историком» [28]. Однако историческая наука также реагирует на происходящие изменения, в частности — формированием направления «новой локальной истории», в рамках которого актуализируется обращение к пространству, региону, месту, локусу, границе [29]. В рамках тетуры studies получил широкую известность проект П. Нора, посвященный «местам памяти», в котором *место* — не только географическое понятие, но — пространство встречи, пространство события. Своеобразную классификацию «мест» создал З. Бауман, выделив места «значимые», «пожирющие» и «неместа» (вокзалы, супермаркеты и т. д.), задача которых стать знакомыми для всех, узнаваемыми, одинаковыми [30, с. 10 — 71].

Усиление внимания к пространству, «локальному», «местному», своеобразная «топофилия» вполне вписывается в контекст тех парадигмальных социокультурных изменений, которые фиксируют исследователи и определяют в терминологии поворотов. Российский культуролог А. Пелипенко в рамках созданного им смыслогенетического подхода к культуре определяет современную ситуацию как кризис логоцентрической модели культуры и рождение новой постлогоцентрической парадигмы [31]. Исследуя макродинамику психофизиологических и ментальных структур, он выделил в истории человечества три больших периода: мифоритуальный, логоцентрический и постлогоцентрический. В основе этих трансформаций, по мнению автора, лежат изменения межполушарной функциональной асимметрии мозга, меняющие когнитивные стратегии человечества: «Закономерным образом в конце XX — начале XXI века становятся заметны проявления “правополушарного реванша” <...> На смену “людям Слова” приходят “люди Цифры”, носители новой естественности — ментальной конституции, основанной на “восстановленном в правах” правополушарном доминировании. Разумеется, ни о каком прямом возврате к мифоритуальной ментальности речь не идет; можно говорить лишь об ее типологическом аналоге на новом эволюционном витке <...> На наших глазах новая естественность лишь только выходит из оболочки уходящего логоцентризма, и новое системное качество этого культурно-антропологического типа еще в полной мере не проявилось. Но уже через два-три поколения оно может окончательно завоевать лидирующие позиции» [31, с. 589—590].

Таким образом, судя по современному социогуманитарному дискурсу, человечество переживает сегодня

крупнейший цивилизационный сдвиг, масштаб которого сопоставим разве что с эпохой неолитической революции, когда человечество совершило переход от присваивающего типа хозяйства к производящему, что сопровождалось радикальными изменениями во всех областях культуры. Мощные смещения свершаются как в самой социокультурной реальности (онтологический аспект), так и в социально-гуманитарном и философском знании (эпистемологический аспект). Наша эпоха может войти в историю как эпоха поворотов, многие из которых так или иначе связаны друг с другом. Так, с описанным выше *пространственным* поворотом хорошо согласуется получивший широкое признание *визуальный*, а также *эстетический* повороты, которые, в свою очередь, коррелируют с представлениями о наступлении в современной культуре эпохи «*новой естественности*» [31, с. 358], «*новой чувственности*» [32], «*новой*» [33] или «*второй архаики*» [34]. Представляется, что концепт *пространственного поворота* (spatial turn) вполне может стать базовым, объединяющим остальные. Внимание к пространству это — проявление интереса к «сейчас» и «здесь», к зримому, осязаемому, предметному, чувственному, то есть к визуальному и — шире — чувственному, эстетическому, целостному, «естественному», когда-то существовавшему в архаике. Восприятие пространства основано на правополушарном мышлении. Пространство «*видится*», «*ощущается*», «*осязается*», «*переживается*», тогда как время скорее «*мыслится*». Человек всегда живет в конкретном месте, пространстве. «Вряд ли кто-то будет отрицать, что любая историческая реальность — любое событие, любой процесс, любая трансформация и т. д. — пространственна по своей сути. Любое историческое событие прямо или косвенно привязано к определенному месту, определенной местности, ландшафту, к водным ресурсам, к недрам и полезным ископаемым и пр. Жизнь любого сообщества и любых индивидов также отмечена определенностью пространств и мест, даже если это сообщество кочевников или путешественников, даже если речь идет о космических полетах» [15, с. 30].

Топофилия как явление, утвердившись в культуре Нового времени, стала важной особенностью современной культуры и проявилась в новых исследовательских ракурсах, практиках и формах, обнаруживая себя не только в культурном повороте в географии, но и в пространственном повороте в социально-гуманитарном знании.

Список литературы

1. Башляр Г. Избранное: поэтика пространства. — М., 2004.
2. Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
3. Лавренова О.А., Митин И.И. Топофилия (материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: науч. и культур.-просвет. альм. — М., 2007. — Вып. 4. — С. 339—342.
4. Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. — 2011. — № 1. — С. 62—73.
5. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006.

6. Митин И.И. На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. — 2004. — № 3. — С. 140—159.
7. Данилова И.Е. Мир внутри и вне стен: Интерьер и пейзаж в европейской живописи XV—XX веков (Вып. 26). — М.: РГГУ, 1999.
8. Соболев Д.М. «Топофилия»: культурная география как жанр современной художественной прозы» [Электронный ресурс] // Культурная география = Cultural geography. — Режим доступа: [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2011/IJCR_04\(5\)_2011_Sobolev.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2011/IJCR_04(5)_2011_Sobolev.pdf)
9. Топоров В.Н. Петербургский текст. — М.: Наука, 2009.
10. Петрарка Ф. Письма о делах повседневных // Петрарка Ф. Лирика. Автобиографическая проза. — М.: Правда, 1989.
11. Вайль П. Гений места. — М.: Колибри, 2008.
12. Вайль П. Карта родины. — М., 2008.
13. Генис А. Космополит: географические фантазии. — М.: АСТ: CORPUS, 2014.
14. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002.
15. Молчанов В.И. История и пространство. Деструкция темпоральной историчности // Вопросы философии. — 2013. — № 7. — С. 24—36.
16. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. — М., 1998.
17. Замятин Д.И. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетей, 2003.
18. Ирза Н.Д. Хронотоп // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. — СПб.: Университетская кн., 1998. — Т. 2.
19. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления, интервью. — М.: Праксис, 2006. — Ч. 3.
20. Lefebvre H. The Production of Space Oxford (UK). — Cambridge (USA): Blackwell, 1999.
21. Лефевр А. Социальное пространство (глава из книги «Производство пространства») [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 2 (70). — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>
22. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? — М.: Академический проект, 2009.
23. Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. — М.: Ad Marginem, 1995.
24. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: НЛО, 2011.
25. Филиппов А.Ф. Социология пространства. — СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2008.
26. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. — М., 2010.
27. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. — СПб., 1997.
28. Маяцкий М. Место — пространству! Этот очень special «spatial turn» [Электронный ресурс] // Журнал «Пушкин». — Режим доступа: <http://www.russ.ru/pushkin/Mesto-prostranstvu!>
29. Новая локальная история [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/>
30. Бауман З. Текущая современность. — СПб.: Питер, 2008.
31. Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. — М., 2011.
32. Медникова Г.С. Онтологические основания медиаискусства // Медиафилософия. — Вып. V: Способы анализа медиареальности. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. о-ва, 2010. — С. 173—179.
33. Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. — 1999. — № 4.
34. Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. — М.: Academia, 2009.
35. Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. — Ч. 1: Культура и смысл. — М.: РОССПЭН, 2012.

УДК 008 (091)
ББК 71.1

Е.В. САЛЬНИКОВА

К БОЛЬШОЙ ПРЕДЫСТОРИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматривается предыстория документальных жанров кино и телевидения. Предложена концепция синкретизма документального и художественного в древней культуре, прежде всего в мифе и зрелищных формах. Рассматриваются и позднейшие формы искусства, либо отсылающие к достоверным историческим фактам, либо содержащие игровые симуляции документальности.

Ключевые слова: визуальная культура, кино, телевидение, документальное кино, докудрама, миф, историческая реконструкция, хроника, мистерия, литературная биография, повествование.

Начало XXI века ознаменовалось в отечественной культуре расцветом форм документального и псевдодокументального кино. Документальный фильм, хроника, репортаж, документальная драма (докудрама), историческая реконструкция, мокьюментори, семидо-

кьюментори. Отдельную когорту составляют чисто телевизионные реалити-шоу, реалити-сериалы, где претензии на улавливание «чего-то реального» вынесено в название жанров. Впрочем, стоит задаться вопросом о том, много ли, к примеру, реальности в реалити-шоу «Дом-2», как